

Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Карпук Д.А.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
В ГОДЫ ОБУЧЕНИЯ
СВЯТИТЕЛЯ
НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО**

Духовное наследие равноапостольного Николая Японского: К столетию со дня преставления. Сборник трудов научной конференции / Николо-Угрешская православная духовная семинария; Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова.
М.: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2012. С.129-145

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Санкт-Петербургская православная духовная академия
<http://spbda.ru>

Духовно-просветительский центр «Илютропионъ»
<http://andreyblag.ru>

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Москва, Санкт-Петербург, 2013

*Апостол Иоанн Богослов.
Мозаика на главном фасаде
Санкт-Петербургской
духовной академии*

Карпук Дмитрий Андреевич
*заведующий архивом и преподаватель
Санкт-Петербургской духовной академии,
кандидат богословия*

(129)

Санкт-Петербургская духовная академия в период обучения святителя Николая Японского

Так уж сложилось, что между Японской Православной Церковью и Санкт-Петербургской духовной академией существует целый ряд связующих нитей. И дело здесь не только в святителе Николае (Касаткине), хотя, безусловно, его деятельность является центральной. Можно ещё упомянуть Иосифа Антоновича Гошкевича, выпускника СПбДА 1839 года (XIII курс)¹, который был первым консулом в Японии и инициатором вызова в середине XIX века в г. Хакодатэ священника и миссионера из числа студентов духовной академии. Отдельного внимания заслуживает также митрополит Сергей (Тихомиров), выпускник СПбДА 1896 года, который стал преемником святителя Николая в 1912 году и занимал кафедру вплоть до 1940 года².

Высшая богословская школа на Неве, воспитавшая большое количество выдающихся церковных деятелей, особо гордится своим воспитанником, крупнейшим миссионером Русской Православной Церкви святителем Николаем (Касаткиным), жизненный подвиг которого всегда являлся объектом пристального внимания и изучения. Только за последнее десятилетие

в СГБДА были написаны две научные работы, посвященные жизни и деятельности святителя Николая. В 2007 году выпускник академии Мирошкин Виталий защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Архиепископ Николай Японский: его жизнь и богословское наследие»³, а в 2008 году выпускник семинарии диакон Георгий Стефанов представил дипломную работу «Миссионерские методы святителя Николая Японского»⁴. Можно ещё упомянуть доклад ректора Ленинградской духовной академии епископа Германа (Тимофеева) «Жизнеописание приснопамятного архиепископа Японского Николая (1836–1912)»⁵, составленный в 1970 году по поручению митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), председателя комиссии по изучению вопроса канонизации приснопамятного архиепископа Японского Николая.

130) Однако особого внимания заслуживает другая работа, написанная в 1914 году, т.е. спустя всего два года после блаженной кончины Святителя, иеромонахом Антонием (Марценко) на тему: «Архиепископ Николай Японский как учитель нравственности (его жизнь, деятельность и взгляды)». Сведения об этой диссертации удалось обнаружить на страницах журналов заседаний совета Санкт-Петербургской духовной академии, выдержки из которых в дореволюционный период публиковались в виде приложения к журналу «Христианское чтение». Работа была написана под руководством профессора по кафедре нравственного богословия А.А. Бронзова, который в своём положительном отзыве на диссертацию отмечал: «Несомненно, что о. Антоний писал своё сочинение с увлечением, а не по одной лишь обязанности, тем более что и вообще миссионерское дело ему близко в особенности. Посему сочинение написано живым языком и проникнуто тёплым чувством. Отсюда читается с удовольствием. Он следит за развитием личности архиепископа Николая, начиная со дня его рождения и до его кончины включительно. Привлекает к делу весь материал, какой только мог оказаться и оказался в его распоряжении»⁶.

Отмечая, что работа не лишена целого ряда недостатков, например, большое количество ошибок и опечаток, стилистическая неряшливость, в целом А.А. Бронзов высоко оценил труд отца Антония, считая, что после соответствующей переработки сочинение можно было бы издать, учитывая те уникальные архивные материалы, которые были использованы автором. Научный руководитель особо подчеркнул актуальность представленной работы.

Несмотря на то что со дня блаженной кончины Святителя прошло совсем немного времени, тем не менее, написание диссертаций о таких деятелях, как архиепископ Николай, по мнению А.А. Бронзова, крайне полезно и необходимо. В связи с этим профессор приводит высказывание самого святителя Николая, который говорил по поводу студенческих кандидатских диссертаций, что хуже всего «писать на темы, в которых и дьявол ногу сломаёт или которые и лягушкам не нужны»⁷.

Рецензент, в роли которого выступил профессор по кафедре Священного Писания Ветхого Завета протоиерей Александр Петрович Рождественский, был менее благосклонен к диссертанту. В его критическом отзыве, в частности,

*Санкт-Петербургская духовная академия.
Фотография. Первая пол. XX в.*

отмечалось, что содержание работы не соответствует её заглавию, согласно которому автор должен был рассмотреть педагогическую и просветительскую деятельность святителя Николая. Вместо этого, по словам рецензента, отец Антоний «даёт лишь биографию преосвященного Николая, довольно бестолково написанную, и нигде не останавливается на его характеристике именно как «учителя нравственности». ...Его сочинение написано чрезвычайно расплывчатым, нескладным и часто неправильным языком, в каком-то витиевато-развязном тоне»⁸. Каждое своё отрицательное суждение рецензент подкреплял ссылками на саму работу, и казалось, что после всего сказанного исследование будет отправлено на доработку. Тем не менее, в заключении своего отзыва рецензент счёл нужным не отказывать соискателю

в кандидатской степени. Главный мотив такого благоприятного решения заключался в том, что автор очень много потрудился над «собираанием» действительно уникального материала.

На основании имеющейся в отзывах информации можно сделать следующий вывод. Общий объём работы отца Антония (Марценко), посвящённой жизни и деятельности святителя Николая (Касаткина), составил 480 страниц машинописного текста. Помимо основного текста имелось также и приложение на 112 страницах. В приложение вошли 14 писем архиепископа Николая, причем 12 из них – это автографы. К сожалению, ни один из рецензентов не упомянул, кому эти письма были адресованы. В ходе написания своей диссертации отец Антоний пользовался не только опубликованными источниками – всевозможными отчётами, воспоминаниями, письмами и пр., но и материалами, хранящимися в архивах Св. Синода, Санкт-Петербургской духовной академии, Смоленской духовной семинарии и др. Основными источниками для написания диссертации послужили рукописные дневники преосвященного Николая, переданные сразу после его смерти в собрание рукописей Св. Синода, а теперь хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА)⁹ и недавно опубликованные в пяти томах. Любопытно, по замечанию рецензента, заявление отца Антония, который во введении к своему исследованию утверждал, что у него есть «категорические сведения (от архиепископа Антония Волинского, епископа Василия Можайского, епископа Владимира, архиепископа Сергия Финляндского) о том, что многочисленные письма преосвященного Николая уже сожжены и уничтожены»¹⁰. К сожалению, когда, кем и почему были уничтожены письма, автор диссертации решил не распространяться.

Указанные отзывы на кандидатскую диссертацию, написанную в дореволюционной академии, являются весьма любопытным и важным источником по изучению наследия святителя Николая. Эти крупницы тем более важны, если учесть, что произошло с архивом и библиотекой СПбДА после революции 1917 года. Дело в том, что в 1918 году СПбДА была закрыта. В здании академии был размещен приют для детей-беспризорников, которые спустя некоторое время взломали архив, в результате чего многие документы были безвозвратно потеряны. В настоящее время часть уцелевших документов из архива дореволюционной академии находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Фонды

277, 2182) и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Фонды 91, 102, 194, 558, 573, 1179 и др.) Естественно, в указанных архивохранилищах находится только малая толика дореволюционных материалов.

Однако именно в Отделе рукописей РНБ при подготовке материала для данного доклада удалось обнаружить в фонде Санкт-Петербургской духовной академии (Ф. 573. Оп. 2. Ч. 2.) дело под номером 270, которое в описи и в настоящее время обозначается следующим образом: «Неустановленное лицо. Архиепископ Николай Японский как учитель нравственности. Б.д. Машиноп. 53 л.» После изучения данного дела можно смело утверждать, что обнаруженная работа является кандидатской диссертацией иеромонаха Антония (Марценко). Точная идентификация рукописи стала возможной в том числе благодаря рецензенту диссертации протоиерею Александру Рождественскому, который в своём опубликованном и выше процитированном отзыве привёл первый абзац из данной диссертации: он полностью совпадает с текстом обнаруженной в Отделе рукописей работы¹¹.

С сожалением приходится констатировать, что работа полностью не сохранилась. В рукописи всего 106 страниц вместо указанных в академических рецензиях 480-ти. Приложение отсутствует полностью. Кроме того, правая сторона текста немного обгорела, что затрудняет прочтение отдельных выражений и предложений, поэтому иногда текст приходится «додумывать» исходя из контекста. Хотя в целом, надо отметить, имеющаяся часть диссертации является вполне читабельной.

При непосредственном знакомстве с данной научной работой студента дореволюционной академии приходится согласиться с рецензентом, что исследование написано стилистически крайне неряшливо с большим количеством ошибок и опечаток. Так, например, вместо «Нектарий» везде употребляется почему-то «Некторий». Однако в контексте заявленной темы данная рукопись представляет особый интерес, т.к. автор, в частности, при написании раздела о времени обучения будущего святителя в Смоленской семинарии и Санкт-Петербургской академии пользовался документами дореволюционного академического архива, в настоящее время безвозвратно утраченными. В этом смысле работа является уникальным источником по изучению периода обучения святителя Николая в СПбДА, и именно поэтому обстоятельства её обнаружения и самому содержанию уделено столько внимания

Итак, будущий святитель Николай (в миру, как известно, Иван Дмитриевич Касаткин) родился 1 августа 1836 года в Берёзовском погосте Смоленской губернии. Он окончил сначала начальную приходскую школу Бельского уезда, затем Смоленскую семинарию, по окончании которой отправился и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию на казённый счет.

Почему именно в Санкт-Петербургскую академию? Дело в том, что в соответствии с реформой духовного образования 1808–1814 гг. в России была учреждена четырёхступенчатая модель духовного образования, включавшая в себя приходские школы, духовные училища, семинарии и академии. Причём все семинарии и училища были разделены на четыре духовно-учебных округа, по числу четырех духовных академий – в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Казани. В Петербургский округ в середине XIX века входило 11 семинарий, одной из которых была Смоленская¹². На казённый счет в академию направлялись, как правило, лучшие выпускники семинарий, входивших в состав духовно-учебного округа.

134)

Что касается времени поступления, то в одних работах, посвящённых жизни и деятельности святителя Николая, указывается, что в духовную академию Иван Касаткин поступил в 1856 году¹³. В других – время поступления относят к 1857 году, но при этом датой окончания полного академического курса называют 1860 год: «Во время учёбы Иван Касаткин выделялся блестящими способностями, и в 1857 году, по окончании семинарии, был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию за казённый счет. В 1860 году он окончил академию в числе первых студентов»¹⁴. В третьих работах, учитывая существующую путаницу, годы поступления и обучения вообще не указываются¹⁵.

Версию о том, что Иван Касаткин поступил в столичную академию в 1856 году, надо отбросить. Связано это с тогдашней системой духовного образования. Полный академический курс составлял четыре года, но делился не на четыре курса, а на два отделения: низшее и высшее, или философское и богословское. Обучение в каждом отделении продолжалось два года. Поэтому набор в академию осуществлялся один раз в два года, причём если, например, в Санкт-Петербургской академии вступительные экзамены проходили по нечётным годам, то в Московской – по чётным. Таким образом, в СПбДА Иван Касаткин смог поступить только в 1857 году и учился в составе XXIV курса, время обучения которого завершилось в 1861 году.

Ректором академии в это время был только что вернувшийся из посольской церкви в Константинополе архимандрит Феофан (Говоров), будущий святитель и Вышенский Затворник. Пост ректора он занимал с 13 июня 1857 года по 9 мая 1859 года¹⁶. На этот краткий период пришлось очень важное и знаковое событие: 17 февраля 1859 года СПбДА отпраздновала своё 50-летие со дня основания. Как и полагается в таких случаях, в академии прошли праздничные торжества, во время которых не только звучали поздравительные речи, но и подводились итоги, говорилось, что сделано, строились планы на будущее. Академию в этот день посетили такие её выдающиеся выпускники, как митрополит Григорий (Постников), краса академии протоиерей Герасим Павский, протопресвитер Василий Бажанов и многие другие¹⁷.

Среди особых достижений академии за предшествующую половину века можно отметить многое. Именно в СПбДА в 1821 году был основан первый духовный журнал «Христианское чтение», издание которого было прервано в 1918 году и возобновлено в 1991 году; в настоящее время это – старейшее периодическое не только духовное, но и вообще российское издание. С 1848 по 1866 гг. профессора академии переводили творения одного из самых известных древних церковных учителей – святителя Иоанна Златоуста. Кроме того, в 1858 году была возобновлена деятельность по переводу и изданию Библии на русском языке. Дело перевода было возложено на профессоров всех четырёх духовных академий, но особый спрос был именно с наставников столичной высшей богословской школы.

Из числа профессоров, которые в указанное время преподавали в академии, можно отметить профессора истории философии Василия Николаевича Карпова, профессора литургики Василия Ивановича Долоцкого, профессора математики Евграфа Ивановича Ловягина, профессора Священного Писания Моисея Александровича Голубева. В это же время в академии начинали свою преподавательскую деятельность Иларион Алексеевич Чистович, Иван Васильевич Чельцов, Андрей Иванович Предтеченский, Михаил Осипович Коялович и другие. Каждый из них внёс посильный вклад в развитие русской богословской науки в XIX веке. Вне всякого сомнения, студентам академии было чему и у кого поучиться¹⁸.

Середина XIX века – это время, когда преобразования и реформы императора Александра II пробудили общественную мысль. Требование свободы,

желание перемен не могли не проникнуть и в церковную среду. После того как в конце 1850-х гг. в Лейпциге было опубликовано «Описание сельского духовенства» священника Иоанна Беллюстина, церковное и светское общество заговорило о церковных проблемах¹⁹. Именно в это время «в духовенстве пробуждается живая мысль, в первую очередь касающаяся обобщающей постановки проблем, постепенно вырисовываются пути их разрешения»²⁰. В начале 1860-х гг. по всей России, но главным образом пока в Москве и Санкт-Петербурге, учреждаются новые периодические издания, отвечающие требованиям и вызовам времени. С 1860 года в Москве начинают выходить «Православное обозрение» и «Душеполезное чтение», в Петербурге – «Духовная беседа» и «Странник», в Киеве – «Руководство для сельских пастырей» и «Труды Киевской духовной академии», в Казани ещё с 1855 года выпускается «Православный собеседник»²¹. Эти духовные периодические издания становятся той самой медийной площадкой, на которой обсуждались острые и болезненные вопросы, волновавшие светскую и церковную среду. Они напрямую касались нравственного состояния и материального положения духовенства, большое внимание уделялось качеству духовного образования, начиная с приходских школ и заканчивая духовными академиями²².

136)

Внешние изменения в жизни государства и общества не могли не оказать влияния на внутренний размеренный ритм академической жизни. Происходили разные изменения, но внимание хотелось бы обратить на то, что в этот период в СПбДА особо активно развивается именно миссионерское направление. Студенты и выпускники академии получают возможность отправляться в составе духовных миссий в Китай, Константинополь, Афины, Иерусалим и др. Так, в 1856 году Святейший Синод по ходатайству Министерства иностранных дел обратился к руководству СПбДА сделать объявление о том, не найдётся ли среди студентов желающих поехать в составе очередной Пекинской миссии в Китай. Предлагались три иеромонашеские и несколько светских вакансий. В течение непродолжительного времени был подан ряд заявок, причём порой студенты без сана подавали заявление на иеромонашеские вакансии и готовы были принять монашеский постриг в случае одобрения их кандидатур. В конечном итоге в состав очередной Пекинской миссии были включены студенты академии иеромонахи Исаия (Поликин) и Александр (Кульчицкий). Третьим иеромонахом был избран вдовый священник экономом Александром-Невского духовного училища Александр Люцернов. В ка-

честве светских членов в состав Миссии вошли: преподаватель Александр-Невского училища Афанасий Попов, выпускник Казанской духовной академии Константин Павлинов и учащийся высшего отделения СПбДА Николай Мраморнов²³.

Иеромонахи Исаия (Поликин), Александр (Кульчицкий) и студент Николай Мраморнов на момент включения их в состав Пекинской миссии ещё не закончили академию. В связи с этим, с одной стороны, им разрешили не слушать и не сдавать целый ряд дисциплин, но с другой, – обязали в самый кратчайший срок написать и предоставить на рассмотрение выпускные сочинения²⁴. После предоставления сочинений все трое недоучившихся студентов были, согласно отзывам профессоров и указу Святейшего Синода²⁵, удостоены степени кандидатов богословия.

В 1857 году, согласно сохранившимся архивным данным, ещё один студент низшего отделения СПбДА – Александр Заклинский – согласился «занять место иеродиакона при Русской миссии в Константинополе»²⁶, предварительно приняв монашеский постриг. Причем А. Заклинский принял монашество (ректор академии епископ Макарий (Булгаков) постриг его с именем Акакий) опять же только после того, как его кандидатура была одобрена на высшем уровне²⁷.

Таким образом, в 1850-е гг. студенты СПбДА довольно часто получали возможность отправляться в составе различных миссий за границу. Об открывающихся вакансиях они узнавали из соответствующих объявлений, которые вывешивались в академии с разрешения Святейшего Синода, как правило, по ходатайству Министерства внутренних дел. Часто в состав миссий включались студенты, которые ещё не закончили академию, поэтому им выдавался «усечённый» аттестат (в документе указывались оценки только по пройденным дисциплинам), но выпускное сочинение для получения учёной степени кандидата или магистра богословия они всё же обязаны были представить даже после своего отъезда на место служения.

Важно отметить, что к середине XIX века общепринятой традицией стало отправление в посольские церкви в Европу и другие части света в качестве духовников и настоятелей выпускников именно СПбДА. В этом отношении любопытна статистика за 1916 год. Общее количество священнослужителей, служивших при русских церквях за границей, составляло 35 человек, 18 из них являлись выпускниками СПбДА, 4 – МДА, 2 – КДА, остальные не имели

высшего богословского образования. Сходная ситуация была с начальниками заграничных Духовных миссий, где трое из четверых являлись выпускниками СПбДА²⁸. Несмотря на то, что это совершенно иное время, цифры свидетельствуют о сохранявшейся на протяжении практически целого столетия традиции. В том, что за границу отправляли в первую очередь выпускников СПбДА, нет ничего удивительного: находясь в столице Российской империи, академия располагалась рядом с главными центрами не только церковной, но и светской власти. В связи с этим как Св. Синоду, так и Министерству иностранных дел было удобно комплектовать составы миссий и, главное, можно было делать это довольно оперативно.

*Студенты семинарии, открытой свт. Николаем Японским, на экзамене.
Старинная фотография*

Необходимо отметить, что 17 июля 1859 года на посту ректора академии архимандрита Феофана сменил архимандрит, а чуть позже епископ Нектарий (Надеждин), который занимал ректорский пост до 22 сентября 1860 года²⁹. Именно епископу Нектарию, являвшемуся ректором всего чуть больше года, суждено было сыграть главную роль в судьбе Ивана Касаткина и, как следствие, в судьбе Японской Церкви.

Из кандидатской диссертации отца Антония (Марценко), который ссылался на несохранившиеся материалы дореволюционного академического архива, следует, что у будущего Святителя был хороший семинарский аттестат. Исходя из указанных там баллов, автор делает вывод, что «самыми любимыми предметами его из общего курса семинарских наук были древние языки, помеченные у него минимальными баллами»³⁰. Несмотря на это, по

итогах обучения в Смоленской духовной семинарии Ивану Касаткину и двум его товарищам — П.А. Лебедеву и А.О. Смирнову — была предоставлена возможность поступить в СПбДА на казённый счёт «как лучшим между своими сверстниками по успехам в науках и благонадёжным по поведению»³¹.

В академии Иван Касаткин шёл в числе лучших студентов и в разрядном списке за первый год обучения числился десятым из более пятидесяти учащихся. Правда, не по всем предметам были хорошие оценки. Так, по психологии и математике у него даже встречаются низкие баллы — 7 по десятибалльной системе. Лучше всего дела обстояли с историческими дисциплинами³². На втором и третьем годах обучения средний балл Ивана Касаткина значительно повысился. Примечательно, что только по миссионерскому отделению, которое тогда считалось необязательным, у будущего миссионера оценка отсутствовала.

Особый интерес представляет вопрос о том, как складывались отношения святителя Николая со сверстниками и с профессорами. Воспоминания близких академических друзей Ивана Касаткина за этот период весьма светлые и душевные. Отец Антоний (Марценко) лично слышал многочисленные рассказы однокурсников будущего Святителя протоиереев Феодора Быстрова и Иоанна Дёмкина, которые утверждали, что в бытность студентом академии архиепископ Николай «всегда оставался самым весёлым и самым беззаботным вдохновителем посещения танцевальных вечеров и театров, организатором визитов по частным пирушкам. Все видели и все знали резвого студента, но никто никогда не мог допустить и мысли, что перед ними не простой и заурядный юноша, а великий и замечательный деятель Церкви»³³. Сам владыка позже вспоминал: «Будучи от природы жизнерадостен, я не особенно задумывался над тем, как устроить свою судьбу. На последнем курсе³⁴ духовной академии я спокойно относился к будущему, сколько мог, веселился и как-то отплясывал на свадьбе своих родственников, не думая о том, что через несколько времени буду монахом. Проходя как-то по академическим комнатам, я совершенно машинально остановил свой взор на лежавшем листе белой бумаги, где прочитал такие строки: "Не пожелает ли кто отправиться в Японию на должность настоятеля посольской церкви в Хакодате и приступить к проповеди Православия в указанной стране". А что, не поехать ли мне, — решил я, — и в этот же день за всеобщей я уже принадлежал Японии»³⁵.

Действительно, эта история с листком в одной из академических аудиторий, многократно описанная в разных вариациях в многочисленных жизнеописаниях Святителя, является едва ли не центральным эпизодом в раннем периоде его жизни.

В конце октября 1858 года, после открытия российского консульства в Японии в г. Хакодате, первый консул И.А. Гошкевич приступил к своей сложной деятельности. Настоятель посольской церкви шестидесятилетний священник Василий Махов спустя почти два года исполнения своих обязанностей в связи с болезнью сердца подал прошение о возвращении на Родину для прохождения лечения в Санкт-Петербурге³⁶. Гошкевич через Министерство иностранных дел обратился в Святейший Синод с ходатайством о назначении в Японию священника и «не иначе как из окончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своею духовною деятельностью, но и учёными трудами, и даже своею частною жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам»³⁷. Святейший Синод по принятой традиции обратился к руководству академии с указанием сделать объявление учащимся духовной школы об открывшейся вакансии при посольской церкви в Японии.

140) В здании академии было вывешено соответствующее объявление. По версии отца Антония (Марценко), листок с запросом висел в вестибюле академии несколько дней. «Значились на нём и подписи нескольких студентов 4-го курса, в частности, Благоразумова, Горчакова и Левицкого, которые согласились отправиться в Японию в качестве безбрачных священников, когда вдруг, совершенно случайно, возвращаясь с бала у профессора Чельцова, студент Иван Касаткин замечает на столе эту записку. Не обращая внимания на её содержание, будущий апостол Японии по обыкновению собрался в церковь на всенощное бдение. И только во время службы, по словам самого архиепископа, в нём произошло и созрело окончательно его решение». После вечернего богослужения Иван Касаткин незамедлительно отправился на квартиру к преосвященному ректору академии, несмотря на то, что «это был час для посещения владыки неурочный, без всяких уклонений сообщил ему, что желает ехать в Японию и принять монашество»³⁸. В свою очередь и епископ Нектарий с сочувствием отнёсся к решению Ивана и обещал уже на следующий же день лично доложить по этому поводу митрополиту.

Об этом вечере сохранились воспоминания одного из однокурсников святителя Николая епископа Балахнинского Анастасия (Опоцкого), который впоследствии, обращаясь к ещё одному своему и святителя Николая приятелю по академии Григорию Афанасьевичу Полисадову, говорил: «А помните ли вы, Г.А., тот вечер, когда в номер, где жили вы, Самоцветов, Попов, Орлов и другие и в котором случайно находился и я, быстрой походкой вошёл возбуждённый и взволнованный студент Касаткин и громко объявил: "Братцы, сейчас я был у о. ректора и изъявил желание поступить в японскую миссию и ехать в Японию". Тогда к такому заявлению мы отнеслись как-то индифферентно, и едва ли кто из нас тогда подумал, что этот не дождавшийся окончания академического курса студент составит себе историческое имя, и что известность его пронесётся из края в край по всему православному миру, что он там – на Дальнем Востоке – заблистает яркой звездой и явится буквально светом во откровение языков, обратив ко Христу десятки тысяч язычников, построив для них многочисленные православные храмы, основав многие училища и переведя богослужебные книги на японский язык... И всё это, действительно, совершилось, благодаря неустанным трудам, великим подвигам и молитвенному непрерывному благовестию нового апостола, бывшего когда-то студентом Санкт-Петербургской академии 24-го курса, а ныне Христова святителя архиепископа Николая. Честь и слава ему! Благоговею я пред этим именем»³⁹.

На следующий день, согласно заявлению владыки Нектария, вопрос действительно был практически решён. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Григорий (Постников), горячо симпатизировавший вообще молодому иночеству, лично представил дело в Святейший Синод, и в результате добрый порыв Ивана Касаткина был оценен церковной властью по достоинству. Ему не только было представлено место в Японии, но также благодаря личному ходатайству митрополита Григория, будущему Святителю, недоучившемуся, но подающему большие надежды студенту была присвоена учёная степень кандидата богословия без предоставления соответствующего квалификационного сочинения. Однако несмотря на это по целому ряду дисциплин Иван Касаткин был не аттестован, т.к. пропустил целый год обучения. Именно поэтому в списках выпускников у И.А. Чистовича и А.С. Родосского он числился в группе студентов, «не докончивших полный курс», и в общем перечне шёл под номером 50 из 55 выпускников⁴⁰.

Примечательно, что заступничество митрополита Григория (Постникова) за Ивана Касаткина было одним из последних деяний этого выдающегося архипастыря первой половины XIX века. 17 июня 1860 года Петербургский митрополит скончался, и 1 июля того же года на столичную кафедру был назначен митрополит Исидор (Никольский)⁴¹.

23 июня 1860 года был совершён монашеский постриг Ивана Касаткина с именем Николай, а 30 июня он был рукоположен в сан иеромонаха. Постриг совершил ректор академии епископ Нектарий. Любопытно, что, наставляя будущего миссионера, владыка Нектарий сомневался в успехе миссии недоучившегося студента академии. В своём слове, произнесённом после пострига, новому монаху ректор академии, между прочим, сказал следующее: «Господь один ведает, что ожидает тебя в этом дальнем пути по суше и морю, в этом служении Церкви в стране языческой. Конечно, может быть, недолго пробыть там суждено тебе; может быть, не в подвигах апостольства, а в тишине мирного богослужения и молитв пройдёт там жизнь твоя, и с помощью Божию ты возвратишься на Родину цел и здоров, с приобретением разнообразных сведений и запасом опытности в жизни, с искусством и навыком в терпении и побеждении опасностей»⁴². Возможно, это было не сомнением, а попыткой успокоить взволнованную и мятущуюся душу молодого монаха, который с трепетом ожидал будущего.

142) О своём постриге и об обстоятельствах, с ним связанных, сам Святитель в своём дневнике от 30 марта 1889 года писал следующее: «Как я уехал сюда в 1860 году? Самое благонамеренное и неудержимое желание служить Церкви толкнуло, — неудержимое, говорю, ибо все-все до единого кругом удерживали от этого шага (собственно, от монашества, ибо тогда было время самое антимонашеское). Я считал бы себя эгоистом и прочее, и прочее, если бы не поехал сюда»⁴³.

Действительно, конец 1850-х гг. и два последующих десятилетия в определённом смысле были временем «антимонашеским». Об этом в цитированной выше речи говорил и епископ Нектарий, который смог потрясаяще кратко и ёмко в виде вопроса сформулировать основные положения, которые использовались критиками учёного монашества на протяжении всего дореволюционного периода: «А что сказать о тех враждебных отношениях к нам, в которые нередко становятся и свои, и чужие и по которым называют наше вступление в монашество порывом честолюбия, наше смирение и терпе-

ние – лицемерием, наше благочестие – ханжеством, нашу твёрдость в правде – упрямством, нашу ревность о благе общем или о пользах Церкви – властолюбием и фанатизмом, нашу доброту и кротость – слабостью и малодушием, нашу ласковость и приветливость – человекоугодничеством и искательством? Что сказать о тех жалких заключениях, которые так часто в наше время делают от одного случая в жизни инока к негодности всего монашества?»⁴⁴

На все эти вопросы и претензии, предъявляемые тогдашним обществом учёному монашеству, на этот вызов, провозглашённый устами преосвященного ректора академии, святитель Николай ответил всей своей подвижнической жизнью, доказав себе, своим товарищам и наставникам, что совсем не напрасно для миссии в Японию избрали недоучившегося студента Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Касаткина, ставшего одним из лучших её выпускников. Студент, который в семинарии не справлялся с древними классическими языками, – в совершенстве овладел языком японским; студент, который в годы обучения в академии игнорировал миссионерское отделение, – стал одним из выдающихся миссионеров Русской Церкви за весь многовековой период её существования; студент, который в молодости был заводным и весёлым юношей, не пропускавшим ни одной вечеринки, – стал образцовым монахом и строгим подвижником.

¹ *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 117.

² *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Часть VI. Савва (Бабинец) – Ювеналий (Тарасов). Куйбышев, 1966. С. 192–194.

³ *Мирошкин В.* Архиепископ Николай Японский: его жизнь и богословское наследие. Дисс. ... канд. богословия. СПб.: СПбДА, 2007. 138 с.

⁴ *Стефанов Г., диак.* Миссионерские методы святителя Николая Японского. Дипл. работа. СПб.: СПбДА, 2008. 88 с.

⁵ *Герман (Тимофеев), еп.* Жизнеописание приснопамятного архиепископа Японского Николая (1836–1912). Л., 1970. – 62с.

⁶ *Бронзов А.А., проф.* Отзыв о сочинении студента священника Антония (Марценко) на тему: «Архиепископ Николай Японский как учитель нравственности (его жизнь, деятельность и взгляды)» // Журналы заседаний совета СПбДА за 1913–1914 учебный год. СПб., 1916. С. 508.

⁷ Там же. С. 510.

⁸ *Рождественский А.П., прот.* Отзыв о сочинении студента священника Антония (Марценко) на тему: «Архиепископ Николай Японский, как учитель нравственности (его жизнь, деятельность и взгляды)» // Журналы заседаний... С. 511, 512.

⁹ См. подробнее: Соколов А.Р. От Российского государственного исторического архива // Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2004. С. 8–9.

¹⁰ *Рождественский А.П., прот.* Указ. соч. С. 512.

¹¹ Ср.: *Рождественский А.П., прот.* Указ. соч. С.510; ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. 2. Д. 270. Л. 1 об.

¹² Согласно краткой исторической записке о состоянии СПбДА, поданной митрополиту Санкт-Петербургскому Григорию (Постникову) за подписью ректора епископа Винницкого Макария, в 1856 г. в Петербургский округ входили Санкт-Петербургская, Новгородская, Тверская, Псковская, Олонекская, Могилевская, Смоленская, Архангельская, Литовская, Полоцкая и Рижская семинарии. См.: ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2440. Л. 7 об.

¹³ *Герман (Тимофеев), еп.* Указ. соч. С. 1.

¹⁴ *Ефимов А.Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 278.

¹⁵ *Антоний (Мельников), архиеп.* Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. Сб. 14. М., 1975. С. 10; Накамура К. Дневники св. Николая Японского // Дневники... Т. 1. С. 18.

¹⁶ *Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской духовной академии.* СПб.: Изд-во Зимина, 2011. С. 45–46.

¹⁷ См. подробнее: *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб.: Синодальная типография, 1889. С.9–12; *Пятидесятилетие С.Петербургской духовной академии. 17 февраля 1859 года.* СПб., 1859. 46 с.

144)

¹⁸ Подробнее об этом периоде в истории академии, а также характеристики профессоров см.: *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010. С. 84–175.

²⁰ *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: «Русская панорама», 2003. С. 211–212.

²¹ *Никулин М.В.* Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 119.

²² *Нетужилов К.Е.* История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб.: РХГА, 2009. С. 110–111.

²³ *Сухова Н.Ю.* Источниковая база по истории высшего духовного образования в России (XIX – начало XX века): учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 57–59.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2434. Л. 44–45.

²⁵ Там же. Д. 2465. Л. 1–5.

²⁶ Там же. Л. 12–12 об.

²⁷ Там же. Д. 2438. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 12, 17, 19.

²⁹ Статистика составлена по: Именной список ректорам и инспекторам Императорских духовных академий, духовных семинарий, преподавателям Императорских духовных академий, смотрителям духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам заграничных духовных миссий на 1916 год. Б/м, б/д, 178 с., XXVII с.

³⁰ *Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской духовной академии.* СПб.: Изд-во Зимина, 2011. С. 47–48.

³¹ ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. 2. Д. 270. Л. 6.

³² Там же. Л. 6.

- 33 Там же. Л. 7.
- 34 Там же.
- 35 В данном случае надо иметь в виду, что курсов в академии до принятия академического устава 1869 г. было всего два, по два года каждый. Поэтому здесь имеется в виду второй курс, но, скорее всего, третий год обучения.
- 36 К кончине апостола Японии // Отдых христианина. 1912. № 2. С. 320–321.
- 37 Накамура К. Дневники... С. 12.
- 38 ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. 2. Д. 270. Л. 7 об.
- 39 Там же. Л. 7 об.–8.
- 40 Полисадов Г.А. Из воспоминаний о времени пребывания моего в Санкт-Петербургской духовной академии (1857–1861 гг.) // Памятная книжка за 1911 г. Издания Общества духовной и материальной взаимопомощи бывших питомцев С.-Петербургской духовной академии. Вып. II, СПб., 1912. С. 74–75.
- 41 Родосский А. Указ. соч. С. LXXIII; Чистович И.А. Указ. соч. С. 20.
- 42 Родосский А. Указ. соч. С. 118, 172.
- 43 Нектарий (Надеждин), еп. Поучение студенту академии по пострижении его в монашество для поступления на священническое место при нашем посольстве в Японии // Христианское чтение. 1860. Август. С. 204.
- 44 Дневники... Т. 2. С. 318–319.
- 45 Нектарий (Надеждин), еп. Указ. соч. С. 205.
-
-

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).
-

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**